

Оппозиция использовала ошибки президента

События в Белоруссии и их урок

всё и принесло взамен десятки тысяч умерших деревень, огромное количество разорившихся коллективных предприятий. Да это же всё было убыточно – вот главное оправдание реформаторов. Такое вульгарное понимание капитализма как агрессивного, пожирающего всё – в корне неверно. Как и агрессивный, пожирающий всё социализм. Такое понимание общественных укладов жизни не годится. Всё то, что пожирает людей, – должно быть отброшено. Людям надо создавать условия для поддержания той жизни, которую можно на-

звать разумной. Если они жили на селе, если это им нравилось, почему их нужно обязательно изгнать оттуда. Только лишь потому, что у вас дебит с кредитом не сходится? Так что ли, господа капиталисты и реформаторы?!

Целью государства должно быть другое. Государство не должно быть бизнес-моделью, оно должно заниматься тем, чтобы обеспечить возможность гармоничного развития и более-менее нормальной жизни своих граждан. А все эти чубайсы и неочубайсы – их подход к жизни в большей

степени бесчеловечен. И это тоже парадокс. Говоря о том, что они несут какие-то новые ценности, мы ошибаемся. В основе их существования – абсолютное презрение к человеческой жизни. Если в такой стране, как наша, мы всё-таки попытались ситуацию переломить и кажется вытянули её – потому что у нас огромная территория и огромное количество полезных ископаемых, которые позволяют нам выживать, – то для Белоруссии это приговор.

И эти люди, эта белорусская оппозиция считают себя борцами за свободу собственного народа? Но свобода не должна выражаться в свободе умереть с голоду. Лишь бы выгнать Лукашенко, а там хоть трава не расти. Выгнали бы Лукашенко, а дальше всё рухнуло бы самим же на голову и люди пошли бы по миру. В этом что ли цель оппозиции? Мне кажется, именно в этом и состоит слабость оппозиционных движений на постсоветском пространстве. Возможно, они даже это сами где-то понимают, поэтому всю энергию сосредотачивают на конкретном человеке. Поднимают эмоции отторжения какого-то конкретного человека – долгой того, долгой этого! (Точно так же и у нас с оппозицией – долгой Путина!) Почему? Потому что за этим «долгой» позитивной программы нет. Спроси их, что они хотят взамен, они тебе и не ответят, не сформулируют. И вот тогда вылезает чубайсы, маленькие бабарики и все прочие. Эмоции отторжения есть, а конструктивной программы дальнейших действий – нет.

При всём том я ещё раз повторю, что во всём, что сейчас происходит, в первую очередь виноват Лукашенко и его команда. Несомненно, в Белоруссии должна появиться партия, которая не по указке Лукашенко и не под его контролем, а действительно осозанно и обоснованно будет выступать за сохранение союзных отношений с Россией и за укрепление экономической кооперации. Потому что это и с прагматической точки зрения, и с точки зрения культурной более чем правильно и перспективно. В этой партии могут быть люди, которые, возможно, самому Лукашенко и не понравятся, но они должны выступать за позитивную, трезвую повестку дня.

(Начало – стр. 1)

Снова с печалью подумал, что сегодня не только хоронили трагично-забывчивого тестя, но с ним ушла в историю не очень ласковая, зато не стяжательская, добросердечная эпоха... Философски вздохнул и, как ни чудно, испытал душевное успокоение. Завершилось время метаний, раздвоений, суетливой беготни мыслей, головоломной медвежуги. Прошлое умерло. После шкарного кутежа на обломках СССР вступила в права другая эпоха – новые смыслы и обычки, взлом бытия, немилостивые государи, ставящие интересы выше ценностей. Жестоковские, накопительские, беспощадные к людским страданиям время – словно беспристрастное лицо манекена, но по-своему привлекательное, с перспективой, не прощающее промедления на развилках выбора. Правда, и старорусские традиции вернулись: не умеет эскадрон командовать – дать ему в управление губернию».

Роман и о жизни таких – не умеющих «эскадрон командовать», которая через два-три десятилетия привела к странному «крутому застою», вызвавшему у другого персонажа романа «в памяти образ печальника Гамлета с его классикой: то ли «неадаптно что-то в датском королевстве», то ли «какая-то в державе датской гниль»... Это чувство неясной угрозы было широко развито и в московском управляющем слое. Слово грозовая туча на далёком горизонте, эта угроза погромывала и посерывала то грядущим дефицитом пенсионного фонда, то неизбежным драматическим выбором макроэкономической стратегии, который не от хорошей жизни, прикрываясь державным блудом, малодушно оттягивал Кремль в надежде скрестить ужа и ежа».

Роман и о тревоге за тех, кто представляет наблюдаемую главным героем нарядную дежурную сходку «замороженных региональных баронов и высоких столичных чиновников», сходку, являвшую «растущую мощь пластичной, оболванивающей бюрократической элиты, которая даже президенту подсовывала то, что ему надлежит произнести. А какие цитаты из речи тиражировать по телевидению, это тоже будет решать окружение. Вдруг мелькнула неожиданная мысль: «Когда Путин начал в двухтысячном, у него была команда, которую окрестили питерцами. А сегодня команды нет – есть окружение». Эта мысль показалась Добычуину столь важной, что он решил обязательно додумать её на досуге».

Такого рода додумываниям и передумываниям всех сложнейших тем, постоянно подбрасываемых российской действительностью последних десятилетий, и посвящён «Немой набат». Название говорящее, название – тревога, затрагивающая разрыв духовного наследства, присущего традиционной русской жизни, его кромсаения на части, на фрагменты, растаскиваемые всё дальше и дальше ширящейся пропастью между «креативными элитами» и простым человеком.

Тревога, тревога, тревога... Струившаяся до такой степени, что сама природа как явление Высшего начала – не выдерживает, прорывает эту уже невыносимую границу: «Оглянуться не успели, налетел страшный, как потоп выяснилось, исторической силы грозовой шторм, каких, по уверению синоптиков, не случалось в Москве полтораста лет. Чёрная туча зашла ниже высоток Спид, хляби небесные разверзлись. Это было жуткое зрелище, апокалипсис, ужас непроизносимый. Ветер в ключья рвал нарядные флаги и перетяжки, валил бипборды; ливнёвки не справлялись с потоками воды, она по циклотоксу затопила площадку между выставочными павильонами. Но самое гнетущее – эта жуткая иссиня-чёрная туча, низко, ниже небоскрёбов-тучероз висевшая над городом. Она пугала не только мраком, наступившим средь бела дня, но и своей небывалостью, невиданностью. Такие грозные, незаурядные, памятные взрывы стихии, да вдобавок внезапные, словно ниспосланные за какую-то провинность, с библейских времён рождали страх, трепет и дурные предчувствия, считались худым знаком. ...И под вливающим бушующей стихии, созувучной мятежному настроению, само собой всплывало в сознании старое, ветхозаветное «Вихри враждебные веют над нами»».

Поиску выхода из тревожной, набатной ситуации, пугающей грядущим мраком и рождающей почти библейский страх, посвящён весь роман – роман-размышление, роман-монолог, роман-диалог.

И выход найден. Анатолий Салуцкий не срывает лавры первооткрывателя. Он лишь озвучивает то, что продумано, проговорено до него за ушедший век и наступившие десятилетия нового другими – русскими философами, мыслителями, политологами современности – людьми с верующей живой душой. Озвучивает через душу и веру своих тоже зримо живых героев.

Юрий Козлов в своём «Новом воре», пересыпанном тончайшими аллитерациями – историческими, литературными, геополитическими: усажда читать их и понимать, расшифровывая и поражаясь нежданным авторской эрудиции, совмещённой с чутким талантом вписывания всего познающего в естественный романский контекст, – тоже не чужд исследованиям драматических (до трагедии) причин произошедшего и происходящего не только в России, но и в мире.

Интеллект центрального персонажа романа Перелесова, родившегося «через тридцать лет после смерти Сталина», как подчёркивает сам автор, столь высок, что он может вступать в равноправные диалоги даже с преподавателем лондонской

идеий г-ну Перелесову, купаясь как сыр в масле, при своей-то должности как грядущей, так и настоящей, ан нет, отчего-то не живётся ему спокойно. Мятущаяся, всё ещё живая душа, прошедшая через муки воплощений и перевоплощений в генетической истории своей совсем не простой, неординарной семьи – в свою очередь впитавшей в себя силу и слабость собственных предков, их красоту и их коварные непростые изломы, – слышала многое уже познала, чтобы успокоиться *потреблением и стабильностью*. Душа жаждет широты другого, глубины и высоты иного в национальной – перетекающей уже и в мировую – идее. Там впереди, с неизбыточной оглядкой на прошлое, – мерещится его призрак, всплывают его нежноцветные контуры.

Разул, пиришество красок, чаще совсем не нежноцветных, выльсывается из читателя из другого романа этого своеобразного трио-цикла – из «Апологета» Александра Леонидова, который один из весьма и весьма весомых и уважаемых за глубину и проникновение в замыслы авторов критиков назвал романом «Ярким, сильным, мускулистым», добавил, «но мне уже так не дышать, мне уже не судить ни «красных», ни «белых». Для меня проза живет и побеждает любовью. Как только её за порог, тут же является хищная «идеология»».

Жив ли русский роман?

О прозе интеллектуалов

Школы антропологической социологии, «где недавно по разнарядке (отказаться было невозможно, он числился в первой десятке «президентского резерва») повышал профессиональную квалификацию» в диалогах с этим промывающим мозги курсантам со всех концов Европы «змеиным черепом» он, «уважительно глядя на преподавателя чистым взглядом честного идиота», едва сдерживается, чтобы не рассмеяться. «Знал бы уважаемый профессор, насколько повышающий квалификацию управленцев из презираемой им России сведущ в обсуждаемых вопросах». А вопросов этих аж как много всплывало. Вот примерно таких – о причинах большевистской революции семнадцатого года:

«Хорошо, что вспомнили, – обрадовался змеиный череп, – я тоже много думал об этом. Русский народ посчитал недостаточной меру утешения себя царской властью, ему захотелось особенных, извращённых страданий. Цари уже выдохлись, не могли это обеспечить. Поэтому их сменил Ленин и Сталин. Известен хоть один случай расправы над сталинскими извергами? Вы возразите: это прошлое. Хорошо. Дворец какого ограбившего русский народ олигарха или чиновника был сожжён и разграблен в наше время?».

Перелесов из-за опасения прослыть непопитулаторектным, антипопелерантным хамом и исламофобом (отчёт о его пребывании в школе наверняка ляжет на стол руководителю аппарата правительства) не стал возражать змеиному черепу, вспомнить победу Советского Союза в Великой Отечественной, Гагарина, лучшую в мире систему школьного образования, могучую фундаментальную науку...».

Вскрывая через Перелесова как человека, волей-неволей подключённого к почти вершинам государственного управления, всевозможные казусы и нарывы нарождающегося российского – нового формата – капиталистического (или иного какого?) строя, Юрий Козлов его устами ещё более беспощадно и резко, нежели романские герои Анатолия Салуцкого, анализирует, проговаривает вслух многие болезненные проблемы, наличие которых в романе проявлено уже самим его названием. Элементы фантазмагории, туманной ирреальности слегка скрашивают, чуть нейтрализуют авторскую – через героя – оценку происходящего.

Но авторская жестокость – до жестокости – проявлена и в отношении к самому центральному персонажу, благостно размышляющему, что «русский народ в кои-то веки самостоятельно выбрал себе национальную идею – *потребление и стабильность*». И он с энтузиазмом будет работать на эту идею. Ура! Устами Перелесова озвучена аж целая национальная идея – потребление и стабильность. И жить бы да жить с этой

Жаль, что этот прекрасный критик далее просмотра двух-трёх десятков романских страниц так и не пошёл. Иначе бы он и любовь там углядел и нечто иное – высокое и духовное.

Вот процитировала весомые слова великого человека и захотелось продлить цитаты – они все из отзывов на роман, опубликованный на нашем сайте.

Даю слово нашему Читателю. Да, именно с заглавной буквы – мыслителю нашему Читателю: «Это большая русская интеллектуальная проза!»

– То есть, если говорить предельно грубо, перестройка стала атакой под руководством Тёмных Сил?

– Вы правы! Леонидов, пожалуй, первым догадался до идеи, которая после прочтения его романов кажется совершенно очевидной (но почему-то ранее никем не озвучивалась): совместить пафос коммунизма с «незримой бранью» монахов-отшельников, той невидимой битвой, которую они ведут с бесами. В самом деле, если предположить, что бесы существуют – то на чьей стороне они будут в утнетательском обществе? Кому и как станут помогать? Разве не очевидно?

– Именно, он самое! Мистическое со-владение – и не более. – На самом деле, думаю, отсылка. Роман вообще полон отсылок, понятных образованным читателям, это такое авторское подмигивание посвящённым. Там есть и советский телесериал «Знатоки», и мемуары ряда деятелей культуры, и цитаты эпохи, взятые в контекст дословно. Это особое удовольствие – разгадывать отсылки, которые не всем видны...

– Скучитыш-ш-ша! – А зачем с двумя извилинами сюда к умным людям пришёл(пришла)?! Иди туда, где беспрестанно гогочут. Там – «веселое». – Чтобы понять то, что произошло с СССР, надо читать таких авторов, как Освальд Шпенглер, Лев Гумилёв, в меньшей степени Арнольд Тойнби, а также их русских предшественников Николая Данилевского и Константина Леонтьева. Ими-то всё объяснено и разжевано. А «Общая теория цивилизации» Александра Леонидова... К сожалению, не получилось... Не дотянулся он до вышеперечисленных гениев.

– Слава богу, что вы до них дотянулись, господин Комментаратор. И нас, сведущих, вместе с Автором, просветили. А то нам без этого света было темново. И в романе, и в жизни. А что ещё Автор НЕ сделал, кроме того, что не дотянулся он до вышеперечисленных гениев», как вы пишете. А гении-то сами в какой очереди дотягивались-перетягивались друг с другом в этом остром вопросе? Вы такой анализ не проводили? А то и их можно выстроить по принципу кто до кого не дотянулся.

– Подойдите с другой точки зрения! Это не трактат, а живой ужас мальчишки, сравнивающего 1989 и 1992 годы. На самом разломе эпох. Хорошо, что автор, подчёркивая наивность юношеского готичекого романа 1993 года, сохранил (как мне кажется) живое ядро этого потрясения: вот было – а вот стало... Вот говорили, обещали – а вот что сделали!... Конечно, многое добавлено, но ствольной сюжет 1992-93 годов сохранён, говорю, как его давний знакомый.

– «...Тот факт, что все цивилизации в своём развитии проходят одни и те же закономерные этапы, навёл учёных на мысль о том, что эти цивилизации можно между собой сравнивать, или, говоря иначе, что между ними можно провести исторические параллели. Скажем, эпохе расцвета античных Греции и Рима, по мнению Данилевского, соответствуют XVI и XVII векам современной европейской истории, а времени начала их упадка – европейский XIX век. Или, уже по расчётам Освальда Шпенглера, эпохе Александра Македонского и Ганнибала соответствует эпоха европейской истории от Наполеона до Первой мировой войны и т.д.

А дальше начинается уже самое интересное! Если мы можем, основываясь на схожих признаках, провести параллели между нашим временем и древними, уже умершими, цивилизациями, то, значит, мы в состоянии рассчитать, когда наступит конец и нашей европейской цивилизации! По мнению Николая Данилевского и Константина Леонтьева, началом упадка Европы следует считать XVIII-XIX века. Освальд Шпенглер начало упадка относил к рубежу XIX-XX веков, что, в общем-то, совпадает с воззрениями русских учёных...» – это пишет Леонидов.

Ну, короче говоря, Европа, а вместе с нею, конечно, и Россиянка, вступили в последний, завершающий этап своего развития. Впереди – только мрак, и никакими «Общими теориями цивилизации» ничего уже изменить нельзя. Увы...

– Вот и ответ на вопрос – кто в романе АПОЛОГЕТ. Осознаёте ли вы, что апологет – вы? После Данилевского, Шпенглера, Леонтьева и т.п. Старый мир мёртв, факт, скончался к началу XX века. Или мы построим новый мир, или – «только мрак». Это снимает цену вопроса: мы в любом случае ничего не теряем. В самом худшем случае мы придём в тот мрак, в который, собственно, и так бы попали. Но зачем нам умирать до смерти? Разве мы с вами боимся туда опоздать? Туда не опаздывают... Кто в романе апологет? Глыбян, Со-венко или Брежнев? Ответ: читатель!...

– Спасибо за радость открытия! Ваш роман – это именно он, открытие! Расширение! Пути! Уровень одной из высших точек русской литературы.

– Эпохальный роман. Не со всем, далеко не со всем можно соглашаться. Но роман дышит эпохой.

– Эта глыба прозы заставляет думать, думать и ещё раз думать. Хорошо, что роман писался так долго. Время заставляло переосмысливать многое. Тяжёлая, но очень цельная, не фрагментарная вещь. – Роман-эпопея, роман-размышление. Мощная, цельная, глубоко выстраданная вещь.

– Роман – оборотень! Притворяется историческим романом о прошлом. А на самом деле – это книга о будущем!

Вот так воспринял наш читатель двухтомник «Апологета». Но серьёзный разговор о романе ещё впереди (*см. наши будущие публикации*). Кстати, Юрий Козлов, прикоснувшись к рукописи Александра Леонидова, тотчас загорелся идеей издать её в своей «Роман-газете». И роман был издан в седьмом и восьмом номерах, несмотря на коронавирус и изоляцию. В конце 2019 в одном из последних номеров вышел и «Новый вор» самого Козлова (перезаказанный вскоре «Вече»). Оба романа дополняют и расширяют пространство друг друга. Это и понятно – в них идеи, надежды и разочарования, витающие в воздухе современности. Третий – «Немой набат» Анатолия Салуцкого – добавляет им веры и оптимизма.

P.S. И напоследок о векторе будущего, озвученном в романе Салуцкого: «Даже в ненастные дни жизни русскому человеку надо оставаться самим собой – это наша главная сила. Какие мы есть, такими и должны быть. В народе огромная мощь живёт... Этому века учат».

Валентина ЕРОФЕЕВА

Августовские педсоветы – батюшки-светы...

Три темы-кита

(Начало – стр. 1)

Министерство просвещения опубликовало Письмо от 25 июня 2020 года № Б5-1398/04, где объявило темы августовских совещаний в 2020 году. Темы эти являются рекомендованными для обсуждения, но всем понятно, что только об этом и будут говорить в августе педагогические коллективы каждой школы страны.

Итак, о чем же предложил порассуждать заместитель министра Просвещения Виктор Басюк (именно он является автором Письма)?

Тема первая: «Ключевые направления достижения стратегической цели по вхождению Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования». Вот – стиль министерства! Зачем рядовым учителям и даже директорам обсуждать несбыточные проекты? Как они могут решительно повлиять? – ведь это правительственная задача от организации всей системы образования до достойного финансирования! Зачем впустую сотрясать воздух? Да, в указе в очередной раз утверждается цель вхождения в десятку лучших стран мира по качеству образования, и до конца октября министерство должно представить откорректированные под Указ национальные проекты, в том числе нацпроект «Образование», значит, они жаждут подсказки замученных дистанционной учителей? Это же профанация демократии со стороны чиновников, которые за большую зарплату умеют плодотворно указывать и контролировать, но не обобщать и внедрять крупички драгоценного опыта.

Тема вторая: «Модернизация воспитательной деятельности образовательных организаций. Внедрение примерной программы воспитания в общеобразовательных организациях Российской Федерации». И здесь все прозрачно, потому что Государственная Дума приняла в третьем чтении поправки в «Закон об образовании в РФ», касающиеся программ воспитания в учебных учреждениях. И внёс эти поправки тоже сам президент. Закон вступил в силу 1 сентября 2020 года, у школ будет ровно год для того, чтобы разработать свою рабочую программу по воспитанию, а также календарный план воспитательной работы, оформить все необходимые документы для включения этих документов в образовательную программу. К ней ещё вернёмся...

Тема третья: «Актуальные направления цифровой трансформации образования: перспективы и новые возможности развития традиционного образования». И здесь все очень предсказуемо. Цифровая трансформация образования – это то, к чему все идет. Все «новые возможности развития традиционного образования» каждый из работающих в сфере образования, любой родитель учеников испытали на себе в апреле и мае. Об этом уже писано-переписано. Но одно замечание себе позволю. В конце апреля министр просвещения страны Сергей Кравцов откровенно рассказал корреспонденту «Коммерсанту» о своём видении проблемы. Корреспондент газеты спрашивает:

– Вы возглавляете министерство, чьи решения во время эпидемии затронули практически каждую семью. И многие из них сейчас критикуются. Люди говорят про поспешность перехода на дистанционное образование. Жалуются на зависающие электронные сервисы, нехватку гаджетов, особенно если и родители вынуждены удаленно работать. Говорят, что обещанная «дистанционка» зачастую выглядит так: «Прочитайте учебник, пришлите домашнее задание». А вы как сами считаете, министерство справилось с ситуацией?

– Давайте я откровенно скажу: еще в начале года невозможно было представить, что в марте все школы России будут вынуждены резко перейти на домашнее обучение...

Стоп! Я прочитал и опешил. Когда была узаконена такая форма домашнего обучения в разгар демократизации, начались скандалы. Помню,

Американский экономический еженедельник «Блумберг Бизнесуик» очень любительные мысли высказал о Белоруссии:

«На западе Беларусь известна как последняя диктатура в Европе. Меньше знают о том, что её переход от командной к полурыночной экономике, осуществлённый со скоростью трактора, тем не менее сделал республику лучшим местом для жизни на всём постсоветском пространстве, за исключением трёх балтийских стран, вступивших в Евросоюз. В рейтинге социально-го неравенства Беларусь выглядит лучше, чем любая европейская страна, включая Данию. Рейтинг бедности Всемирного банка показывает, что процент людей, живущих менее чем на пять с половиной долларов в день, здесь меньше, чем во всём бывшем Советском Союзе, и в половине из двадцати восьми стран Европы, или в США».

Это наблюдение очень интересное, особенно по поводу социального неравенства. В этом смысле для меня ещё более проясняется вся фальшь и нашей российской оппозиции. Всякие наши оппозиционные настроенные молодёжи и не только молодёжи люди «качают права» на тему «Даёшь социальное равенство!». Так давайте сократим разрыв между богатыми и бедными! А в Белоруссии как раз всё это уже и есть. Там гораздо более серьёзное социальное равенство, чем в России, гораздо меньше разрыв в доходах, там нет сверхбогатых людей! Но парадоксальным образом наша внутренняя оппозиция тоже, как и бабарики, против Лукашенко. Это от глупости, что ли? Или это на самом деле результат того обмана, который в нашей оппозиции наличествует: «Сегодня Минск – завтра Москва!».

Может, вы совсем не этого хотите, господа оппозиционеры, – не социальной справедливости и борьбы с коррупцией, а просто работаете на совсем иного заморского дядю?

Сергей МИХЕЕВ

(Полная версия на "Вести-ФМ", "Железная логика")

мне на радио «Резонанс» пришло огромное письмо от одного странного фермера. Чувствуется, он забился в глушь, у него мало что заглодилось, а детей он своих решил перевести на домашнее образование. Районный отдел образования отговаривал, сама способная дочка, выигрывавшая в школе какие-то литературные конкурсы, чувствуется, не хотела. Но индивидуалист – упёрся. Дошло и до областного уровня, и до горячего обсуждения по радио. Но это был на моей журналистской практике – единственный реальный случай, а тут – бац: все разом школьники (и студенты!) перешли на домашнее образование. Или министр не владеет темой, или сознательно вбросил опасные мечтания и намерения. Он не оговорился, он повторил, что многострадавшие ученики и родители были включены, по мнению министра просвещения, в домашнее обучение (семейное обучение) или самообразование. А оно содержательно и организационно отличается от дистанционного образования. В соответствии с федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» школьникам было разрешено семейное обучение. В статье 17 данного закона указано «Обучение в форме семейного образования и самообразования осуществляется с правом последующего прохождения в соответствии с частью 3 статьи 34 настоящего Федерального закона промежуточной и государственной итоговой аттестации в организациях, осуществляющих образовательную деятельность».

Но такой аттестации – не было! Министр не владеет терминологией или не знает законов? Или это – чиновничья уловка? Министр понял, что для сохранения себя в должности лучше сказать «удобную правду». Теперь, наверно, термин «домашнее обучение» будет использоваться повсеместно: ведь тогда не придётся объяснять неготовность школьного образования к дистанционному обучению. Кроме того, в этой ситуации виновна не система, а конкретная семья, которая, мол, не смогла организовать обучение. А чиновники опять проявили себя в экстремальной ситуации с лучшей стороны, создав все возможные условия, но – не заладились...

Так что это тема – больная и опасная. Куда легче и привычнее навалиться на воспитательную работу. Она будет в нынешних условиях – бумажная. Так это ж счастье для чиновников: запрещены пока массовые мероприятия, поездки, экскурсии, широкий школьный туризм, музейное дело и следопытская работа – давно загублены. Значит, за компьютер! Уже пошли тревожные отклики: «Наш министр Кравцов первым, как и положено, ринулся исполнять президентские поручения и наказы. В связи с чем он припомнил, как, будучи еще руководителем Росособнадзора, тоже понял, что пришла пора вплотную заняться воспитанием. Десятка, более 400 воспитательных программ проанализировал – и все, как «под копиру». А следовательно, реальная воспитательная работа в школах не ведётся. Такой вывод сделал министр. Мы, педагоги, как водится, повозмущались, да и ушли в отпуски. А вот начальство наше районное очень близко к сердцу приняло министерский нагоняй, и теперь считает прямо-таки своим долгом публично отчитаться: как конкретно, во вверенном ему районе, в отличие от остальной замшелой России, замечательной и эффективно встроена система воспитательной работы. И посыпались «письма счастья» на наши отпускные головы: СРОЧНО... ЗАПОЛНИТЬ И СДАТЬ... ОТЧИТАТЬСЯ... ПОДРОБНО ПРОАНАЛИЗИРОВАТЬ... И всё – «по воспитательной работе».

Махина пришла в движение. Эта программа тоже должна быть готова к октябрю. Почтаем, проанализируем, но пока в её плодотворность верится слабо. Разве только талантливый и циркулярных битвах, но талантливый и убеждённый русский учитель её спасёт...

Александр БОБРОВ